

Фламмарион Камиль

Неведомое

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 55
ББК 26
К18

К18 **Камиль Ф.**
Неведомое / Фламарион Камиль – М.: Книга по Требованию, 2022. – 337 с.

ISBN 978-5-521-28377-4

ISBN 978-5-521-28377-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

нимъ ли методъ научнаго изслѣдованія къ этимъ дознаніямъ? Вотъ что мы первымъ дѣломъ должны опредѣлить путемъ этихъ самыхъ дознаній.

Въ принципѣ мы ничему не должны вѣрить безъ доказательствъ.

На свѣтѣ существуютъ только два метода: методъ схоластической науки, которая устанавливала извѣстныя истины *a priori*, и уже съ этими истинами должны были соображаться факты, — и методъ новѣйшей науки со временъ Бэкона, исходящій изъ наблюденія явленій и создающій теорію лишь на основаніи этихъ наблюденій. Само собою разумѣется, что здѣсь я намѣренъ держаться этого второго способа.

Рамка этого труда, несомнѣнно, будетъ научная. Я оставляю въ сторонѣ, по принципу, все то, что покажется мнѣ недостаточно провѣреннымъ опытомъ и наблюденіемъ.

Многіе говорятъ: «къ чему допскиваться? Все равно ничего не узнаете. Это неисповѣдимыя тайны». Всегда существовали люди, предпочитавшіе невѣжество знанію. При такомъ способѣ разсужденія и дѣйствія, мы такъ ничего бы и не узнали.

Другіе лицемѣрно возражаютъ, что таинственныя науки заставляютъ насъ пятиться назадъ, въ средніе вѣка, вмѣсто того чтобы двигать наше знаніе впередъ, къ лучезарной будущности, подготовляемой современнымъ прогрессомъ. Но, въ сущности, разумное изученіе этихъ явленій настолько же неспособно отодвинуть насъ во времена колдовства, какъ, папримѣръ, изученіе астрономическихъ явленій не можетъ заставитьъ насъ вернуться всякъ къ временамъ астрологіи. Дѣло въ томъ, что три четверти рода человѣческаго состоитъ изъ людей, не умѣющихъ понимать такія изысканія и не умѣющихъ мыслить самостоятельно. Оставимъ же ихъ въ сторонѣ съ ихъ поверхностными сужденіями, лишенными всякой дѣйствительной цѣны.

Я давно уже занимаюсь этими вопросами въ часы, свободные отъ астрономическихъ трудовъ. Надняхъ мнѣ по-

палась на глаза моя старая карточка «члена Парижскаго общества спиритическихъ изслѣдованій» съ подписью Аллана Кардека. Она помѣчена 15 ноября 1861 года.

Болѣе четверти вѣка я слѣдилъ за болыпей частью этихъ явленій, наблюдаемыхъ на всемъ земномъ шарѣ, и мнѣ всегда казалось, что они заслуживаютъ изученія въ духѣ безпристрастнаго изслѣдованія. Быть-можетъ, именно вслѣдствіе этого долгаго личнаго опыта, меня и убѣждали самымъ настоящимъ образомъ издать эту книгу.

Очень вѣроятно также, что привычка къ наблюденіямъ и опытамъ служить ручательствомъ болышей достовѣрности, чѣмъ-тѣ неопредѣленные, приблизительныя свѣдѣнія, какими обыкновенно довольствуются въ обыденной жизни.

Но я долго колебался. Можетъ-быть, еще не приспѣло время? Достаточно ли все подготовлено? Созрѣлъ ли плодъ?

Какъ бы то ни было, а начать все-таки не мѣшаетъ. Зародышъ разовьется вполнѣ, съ теченіемъ вѣковъ.

Итакъ, предлагаемый трудъ есть книга изысканій, задуманная и написанная исключительно съ цѣлью познать истину, не принимая въ расчетъ ходячихъ идей, съ полной независимостью духа и съ абсолютнымъ равнодушіемъ къ общественному мнѣнію.

Надо сознаться, что если трудъ этотъ интересенъ, даже увлекателенъ съ точки зрѣнія изслѣдованія невѣдомыхъ истинъ, — зато онъ крайне неблагодаренъ съ точки зрѣнія этого пресловутаго общественнаго мнѣнія. Всѣ или почти всѣ осуждаютъ людей, посвящающихъ свое время этому предмету. Представители науки думаютъ, что это предметъ не научный и что жалко терять попусту время. Наоборотъ, люди слѣпо вѣрящіе въ спиритическія общенія, въ сны, въ предчувствія, въ явленія, находятъ, что въ эту область не слѣдуетъ вносить критическій духъ анализа и изслѣдованія. Но если бѣ даже этотъ трудъ прибавилъ хоть небольшой камушекъ къ зданію человѣ-

ческихъ познаній,—я и тогда почелъ бы себя достаточно вознагражденнымъ.

Любопытно, что всякое свободное исканіе истины, въ сущности, почему-то непріятно всѣмъ и каждому, — у каждаго человѣка въ мозгу таятся свои предразсудки, отъ которыхъ ему нежелательно отрѣшиться.

Если я, напримѣръ, заявлю, что безсмертіе души, уже проповѣдуемое философами, будетъ скоро доказано путемъ опытовъ психическими науками, то любіи скептикъ посмѣется надо мною.

Если же я скажу, напротивъ, что спиритъ, призывающій Сократа или Ньютона, Архимеда или св. Августина къ своему столу и воображающій, что бесѣдуетъ съ ними,—жертва иллюзіи, то цѣлая партія, пожалуй, забросятъ меня камнями.

Но, повторяю, не будемъ обращать вниманія на эти разнообразныя возрѣнія.

Къ чему приведетъ такое изученіе психическихъ загадокъ? спросятъ меня.

— Къ доказательству того, что душа существуетъ и что надежды на безсмертіе не пустая химера.

«Матеріализмъ» — гипотеза, совершенно несостоятельная съ тѣхъ поръ, какъ мы лучше узнали «матерію». Матерія уже не представляетъ болѣе прочной точки опоры. Тѣла состоятъ изъ миллиардовъ подвижныхъ, невидимыхъ атомовъ, которые не соприкасаются между собой и находятся въ постоянномъ движеніи другъ вокругъ друга; эти атомы, безконечно малые, сами считаются теперь центрами силы. Гдѣ же матерія? Она исчезаетъ и уступаетъ мѣсто динамизму.

Интеллектуальный законъ управляетъ вселенной, а въ ея организмѣ наша планета является лишь скромной частицей: это законъ прогресса. Изученіе вселенной показываетъ намъ существованіе опредѣленнаго плана и цѣли, при чемъ они не исключительно направлены на обитателя нашей планеты. Законъ прогресса, управляющій жизнью, физическая организація этой самой жизни, взаимное влеченіе половъ, безсознательный инстинктъ растений, птицъ, насѣкомыхъ, направленный къ продол-

женію рода, наконецъ, главные факты естественной исторіи — все это доказываетъ, какъ говоритъ Эрштедъ, что «существуетъ разумъ въ природѣ».

Разсматривая явленія обыденной жизни, мы видимъ, что мысль существуетъ лишь въ мозгу человѣка и животныхъ. Отсюда фізіологи вывели заключеніе, что мысль есть свойство, продуктъ мозга. Утверждаютъ, что помимо мозга нѣтъ и мысли.

Между тѣмъ, ничто не дастъ намъ права утверждать, что сфера нашихъ наблюденій универсальна, что она обнимаетъ всѣ возможности въ природѣ, во всѣхъ мірахъ.

Никто не въ правѣ утверждать, что мысль не можетъ существовать помимо мозга.

Если бъ одинъ изъ милліоновъ микробовъ, обитающихъ въ нашемъ тѣлѣ, попытался сообщить свои впечатлѣнія, могъ ли бы онъ сомнѣваться, плавая въ крови нашихъ артерій и жилъ, пожирая наши мускулы, пронизывая наши кости, странствуя по различнымъ органамъ нашего тѣла, съ головы до ногъ, — что это тѣло, какъ и его собственное, управляется органическимъ единствомъ.

Ну вотъ, и мы находимся въ такомъ же положеніи по отношеніи къ звѣздной вселенной.

Солнце, гигантское сердце своей системы, источникъ жизни, сіяетъ въ очагѣ планетныхъ орбитъ, и само тяготѣетъ въ звѣздномъ организмѣ, еще болѣе обширномъ. Мы не въ правѣ отрицать, что мысль можетъ пребывать въ пространствѣ и управлять этими движеніями, какъ мы управляемъ движеніями нашихъ рукъ и ногъ. Инстинктивная энергія, управляющая живыми существами, силы поддерживающія біеніе нашего сердца, обращеніе нашей крови, дыханіе нашихъ легкихъ, функціи нашихъ органовъ, — не существуютъ ли онѣ въ иномъ видѣ въ матеріальной вселенной, управляя условіями существованія несравненно болѣе важными, чѣмъ наши, потому что если бъ, напримѣръ, потухло солнце или разстроилось бы движеніе земли, то погибло бы не одно человѣческое существо, а все населеніе земного шара, не говоря о другихъ планетахъ.

Въ космосѣ существуетъ динамическое начало, невидимое и неосозаемое, разлитое по всей вселенной, не зависящее отъ видимой и вѣсомой матеріи и дѣйствующее на нее. И въ этомъ динамическомъ элементѣ зиждется разумъ выше нашего.

Да, конечно, мы мыслимъ посредствомъ мозга, точно также, какъ видимъ глазами, слышимъ посредствомъ органа слуха; но не мозгъ нашъ мыслить и не глаза видятъ. Можно ли, напримѣръ, поставить въ заслугу зрительной трубѣ то, что она различаетъ каналы на Марсѣ? Глазъ есть органъ. Мозгъ такой же органъ.

Психическія загадки не такъ чужды, какъ многіе воображаютъ, проблемамъ астрономическимъ. Если душа безсмертна, если на небѣ ея будущая отчизна, то познаніе души не можетъ остаться чуждымъ познанію неба. Развѣ безконечное пространство не есть область безсмертія? Поэтому немудрено, что астрономы всегда жаждали уразумѣть, изслѣдовать, познать истинную природу человѣка и мірозданія. Нельзя ставить въ вину Скиапарелли, директору Миланской обсерваторіи, усердному наблюдателю планеты Марса, профессору Цельнеру изъ Лейпцигской обсерваторіи, Круксу, бывшему астрономомъ прежде, чѣмъ стать химикомъ, профессору Риппе, Уэллэсу, Ломброзо и др.—то, что они пытались узнать, есть ли правда въ этихъ явленіяхъ? Истина — одна, и все заключено въ предѣлахъ природы.

Осмѣлюсь прибавить, что для насъ не было бы даже большого интереса въ изученіи звѣздной вселенной, если бъ мы были увѣрены, что она есть и навѣки останется намъ чуждой. Безсмертіе въ свѣтилахъ небесныхъ кажется мнѣ логическимъ дополненіемъ астрономіи. Чѣмъ могло бы интересоваться насъ небо, если бъ мы жили на землѣ одинъ лишь день?

Психическія науки очень отстали отъ наукъ физическихъ. У астрономіи былъ свой Ньютонъ, біологія оставилась на Коперникѣ, а психологія имѣла только Птоломеевъ и Гиппарховъ. Все, что мы можемъ сдѣлать теперь — это собирать наблюденія, приводить ихъ въ систему и помогать первымъ шагамъ новой науки.

Но мы еще далеки от вопросовъ теоріи и догматовъ. Прежде всего важно удостовѣриться, дѣйствительно ли существуютъ явленія, о которыхъ идетъ рѣчь. Сперва констатируемъ факты, теоріи явятся уже потомъ. Эта книга будетъ состоять главнымъ образомъ изъ наблюдений, примѣровъ, свидѣтельствъ, удостовѣреній. Какъ можно меньше фразъ. Важно накопить наибольшее доказательствъ, съ тѣмъ, чтобы изъ нихъ вытекала увѣренность. Мы попытаемся методически подбирать явленія, группируя ихъ по аналогичности другъ съ другомъ и пытаясь объяснить ихъ. Эта книга не романъ, а сборникъ документовъ, тезисъ научнаго изслѣдованія.

Наша программа извѣстна. Всякій, кто пожелалъ бы слѣдовать за нами, убѣдится, что если у предлагаемаго труда есть какая-нибудь заслуга, то она именно заключается въ искренности. Мы желаемъ убѣдиться, что таинственныя явленія, которыхъ человѣчество было свидѣтелемъ, начиная съ глубокой древности, существовали дѣйствительно, и мы не имѣемъ иной цѣли—какъ исканіе истины.

I.

Недовѣрчивые.

Множество людей одержимы странной близорукостью, и свой узкій горизонтъ принимаютъ за предѣлы вселенной. Всякія новыя открытія, всякія новыя идеи пугаютъ ихъ, приводятъ въ ужасъ. Имъ не хочется, чтобы хоть въ чемъ-нибудь измѣнился обычный строй вещей. Исторія прогресса человѣческихъ знаній является для нихъ мертвой буквой.

Смѣлость мыслителей, изобрѣтателей, реформаторовъ кажется имъ преступной. Они, вѣроятно, воображаютъ, что человѣчество всегда было такимъ, какъ теперь; они не помнятъ ни каменнаго вѣка, ни открытія огня, ни изобрѣтенія жилищъ, перевозочныхъ средствъ, желѣзныхъ дорогъ, ни великихъ побѣдъ, одержанныхъ человѣческимъ разумомъ, ни открытій науки. Натура этихъ господъ напоминаетъ рыбъ или моллюсковъ. Покойно усѣвшись въ своихъ мягкихъ креслахъ, они сохраняютъ невозмутимое самодовольство. Они совершенно неспособны допустить то, чего сами не понимаютъ. Во всѣхъ вѣкахъ, во всѣхъ стадіяхъ цивилизаціи можно встрѣтить такихъ людей, спокойныхъ, невозмутимыхъ, не лишенныхъ, однако, чванства, которые напрямикъ отрицаютъ все, еще не извѣданное. Если прослѣдить исторію, то натолкнешься на множество подобныхъ примѣровъ.

Школа Пифагора, отрѣшившись отъ ходячихъ представлений о природѣ, возвысилась до открытія суточного движенія нашей планеты. Что общественное мнѣніе исполнилось и возмущилось этой гениальной идеей, это еще понятно: нельзя требовать отъ слона, чтобы онъ вспорхнулъ на орлиное гнѣздо. Но такова сила пошлыхъ предразсудковъ, что многіе, даже просвѣщенные умы оказались неспособными возвыситься до этого понятія: таковы Платонъ и Архимедъ, хотя они и были блестящими мыслителями.

Мало того, астрономы Гиннархъ и Птоломей не могли удержаться отъ смѣха надъ такой нелѣпностью. Птоломей называетъ теорію вращенія земли забавной. «Чтобы земля вращалась! Да пифагорейцы просто съ ума сошли, у нихъ у самихъ, вѣрно, голова идетъ кругомъ!

Сократъ принужденъ былъ выйти изъ-за того, что отрѣшился отъ предразсудковъ своего вѣка. Анаксагоръ подвергся преслѣдованіямъ за то, что посмѣлъ утверждать, будто солнце больше Пелопоннеса. Двѣ тысячи лѣтъ спустя Галилея преслѣдуютъ современники за то, что онъ смѣлъ провозглашать необъятность вселенной и ничтожность нашей планеты. Исканіе истины подвигается медленными шагами, но страсти, интересы, затуманивающіе разсудки людскіе, остаются неизмѣнными.

И вотъ сомнѣнія все не прекращаются, несмотря на скопленіе доказательствъ въ новѣйшей астрономіи. У насъ имѣется въ нашихъ библіотекахъ любопытное сочиненіе, изданное въ 1806 году и специально направленное противъ теоріи вращенія земли; авторъ его чисто-сердечно увѣряетъ, что никогда не повѣритъ, что земля вертится, какъ канлунъ на вертелѣ. Этотъ почтенный канлунъ былъ; однако, очень умный человѣкъ (что иногда не ограждаетъ отъ невѣжества); его звали Мерсе и онъ былъ членомъ Института.

Я лично присутствовалъ на засѣданіи Академіи Наукъ, когда Демонсель демонстрировалъ фонографъ Эдиссона передъ ученымъ собраніемъ. Во время демонстраціи аппаратъ послушно принялся рапортовать фразу, занесен-

ную на его валикъ. Тогда одинъ академикъ, пожилыхъ лѣтъ, съ умомъ, начиненнымъ, пропитаннымъ традиціями классической культуры, пришелъ въ благородное негодованіе и, бросившись на представителя Эдиссона, чуть не задушилъ его, восклицая: «Негодяй! мы не позволимъ себя морочить какому-то чревоушцателю!» Это былъ членъ Института Бульо, а происходила эта сцена 11-го марта 1878 года. Однако академикъ не успокоился: полгода спустя въ подобномъ же засѣданіи онъ счелъ долгомъ объявить, что, по зрѣломъ изслѣдованіи вопроса, онъ укрѣпился въ своемъ мнѣніи насчетъ чревоушцательства. Словомъ, по его взгляду, фонографъ—не болѣе, какъ акустическая иллюзія.

Когда Лавуазье произвелъ анализъ воздуха и открылъ, что онъ главнымъ образомъ состоитъ изъ двухъ газовъ—кислорода и азота, то это открытіе взбаломутило не мало умовъ даже самыхъ положительныхъ и уравновѣшенныхъ. Многіе члены Академіи Наукъ, между прочимъ извѣстный химикъ Боме (изобрѣтатель ареометра), твердо вѣря въ исконныя четыре стихіи древней науки, энергично возстали противъ Лавуазье. Нынче же всякому извѣстно, что эти стихіи, такъ свято охраняемыя, вовсе не существуютъ, и что правыми оказались новѣйшіе химики, разложивъ на составныя части воздухъ и воду. Что касается огня, или флогистона, который, по мнѣнію Боме и его современниковъ, исполнялъ роль *deus ex machina* въ природѣ и въ жизни, то онъ существовалъ только развѣ въ воображеніи мудрыхъ профессоровъ.

Самъ великій химикъ Лавуазье попалъ въ категорію скептиковъ, отрицающихъ новыя открытія, такъ какъ представилъ въ Академію ученый докладъ, съ цѣлью доказать, что камни не могутъ падать съ неба. А между тѣмъ паденіе аэролита, по поводу котораго онъ представилъ этотъ офиціальны докладъ, было прекрасно наблюдаемо во всѣхъ подробностяхъ: видѣли и слышали взрывъ болида, видѣли паденіе аэролита, подняли его раскаленнымъ, представили затѣмъ на разсмотрѣніе Академіи, и Академія черезъ посредство своего доклад-

чика объявила, что это вещь невѣроятная и недопустимая.

Я вовсе не намѣренъ бросать камня въ Лавуазье или въ кого бы то ни было, — я только встаю противъ тиранинъ предразсудковъ. Люди не вѣрили, не хотѣли вѣрить, чтобы камни могли падать съ неба. Это казалось противнымъ здравому смыслу. Напримѣръ, Гассенди былъ однимъ изъ самыхъ независимыхъ, самыхъ просвѣщенныхъ ученыхъ XVII столѣтія. Въ 1627 году въ Провансѣ упалъ аэролитъ вѣсомъ въ 30 килограммовъ, при совершенно ясной солнечной погодѣ; Гассенди видѣлъ этотъ камень, прикасался къ нему, разсматривалъ — и приписалъ его невѣдомому земному изверженію.

Профессора-перипатетики времяя Галилея съ апломбомъ утверждали, что на солнцѣ не можетъ быть пятенъ.

Фигуры на Брокенѣ, фата-моргана, миражъ — отрицались множествомъ разумныхъ людей до тѣхъ поръ, пока они не были объяснены строго-научно.

Исторія прогресса науки показываетъ намъ безире-станно, что великіе и плодотворные результаты иногда проистекаютъ изъ наблюдений самыхъ простыхъ и будничныхъ. Въ области научныхъ изслѣдованій ничѣмъ нельзя пренебрегать. Какой удивительный переворотъ произошелъ въ современной жизни благодаря электричеству: телеграфъ, телефонъ, электрическое освѣщеніе, быстрые, легкіе моторы и т. д. Не будь электричества, народы, города, нравы были бы совсѣмъ другими. А между тѣмъ колыбель этой благодѣтельной феи была скромно скрыта въ первыхъ, едва брезжащихъ лучахъ зарождающейся зари. Въ ней можно было различить лишь смутный зародышъ; честь и слава прозорливымъ глазамъ, сумѣвшимъ уловить его и обратить на него вниманіе всего міра.

Всѣ, конечно, помнятъ знаменитый бульонъ изъ лягушекъ, состряпанный для г-жи Гальвани въ 1791 г. Гальвани женился на хорошенькой дочери своего бывшего профессора, Лючіи Галеоцци, и нѣжно любилъ ее. Она заболѣла чахоткой и умирала въ Болоннѣ. Врачъ